

Т.А. Подшибякина

КОГНИТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПАМЯТИ И ИДЕОЛОГИИ В АТТИТЮДАХ СТУДЕНТОВ: ВОЗМОЖЕН ЛИ КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ?

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-011-00906 А.

Предпринята попытка соединения преимуществ качественного нарративного анализа с количественной формой опроса. Проведено теоретико-методологическое обоснование предложенного метода; описана методика проведения; дана оценка возможностей и пределов использования метода в политической когнитивистике; с его применением обоснован концепт когнитивной коммуникации памяти и идеологии.

Ключевые слова: память; идеологема; нарратив; нарративный анализ; коммуникация памяти и идеологии; когнитивистика.

Введение

Память – феномен человеческого сознания, обладающий высокой социальной значимостью и привлекающий своей закрытостью для познания. Как добраться до глубин бессознательного, не беспокоя Фрейда вопросами о психоаналитических возможностях исследования памяти? Одним из таких инструментов является активно набирающий сторонников в России, давно и хорошо известный на Западе нарративный анализ. Зачастую алгоритм применения этого метода не отличим от приемов дискурс-анализа, да и воспринимается он прежде всего лишь как одно из его направлений. Общеизвестным является отнесение нарративного исследования к видам качественного анализа, в котором самыми распространенными приемами выступает написание эссе, проведение устной беседы, предложение переоплотиться в литературного или исторического героя, или даже сетевого персонажа интернета. В данном исследовании представлены результаты своего рода эксперимента по имплементации нарративного анализа в форме количественного метода исследования идеологии. Безусловно, при этом нарратив как дискурс потеряет часть своих достоинств, связанных с традиционной формой: рассказом, повествованием, свободным изложением. Вместе с тем он приобретет преимущества коллективных методов исследования, связанных с репрезентацией не индивидуального, а группового сознания. Прежде чем его использовать в этом качестве, необходимо доказать, что при всей лаконичности свободных ответов на открытые вопросы анкеты как исходного эмпирического материала он остается нарративным по своей сути.

В результате многолетнего исследования идеологического сознания молодежи юга России учеными Южного федерального университета были получены результаты, свидетельствующие о нечеткости и подвижности идеологических установок у большинства студентов, и пришло понимание необходимости освоения приемов работы с докогнитивным уровнем группового сознания для объяснения этого идеологического феномена [1]. Предположение заключалось в том, что в этих целях может быть использован нарративный анализ в несвойственном ему количественном выражении.

Целью данной работы является оценка возможностей применения количественной формы нарративного анализа по результатам апробации метода на материале проведенного в 2019 г. эмпирического исследования когнитивно-идеологических установок студенческой молодежи юга России с охватом респондентов в 2 500 человек.

Теоретическим основанием исследования выступает предложенное С.П. Поцелуевым и М.С. Константиновым авторское понятие когнитивно-идеологической матрицы, рассматриваемой «по аналогии с понятием матрицы в физике – как нейтральной (когнитивной) среды, в которую помещены изолированные активные частицы (идеологемы как «протоидеологические» концепты) с целью предотвращения их взаимодействия между собой и с окружающей средой. При констелляции определенных внешних факторов когнитивная среда перестает быть нейтральной, начинается связывание идеологем. Термин «идеологема» наиболее соответствует когнитивистскому подходу к изучению идеологии, так как в его основе лежит понятие знания (когниции). Идеологема – это когнитивная единица идеологии, представленная в сознании (мышлении) ее носителей. Для объяснения концептной динамики идеологем понадобилось прояснить смыслообразующую функцию нарратива. «Когнитивистское понимание идеологии должно включать в себя не только морфологию идеологий, но также ее подсознательный уровень с его спонтанным воображением, рождающим нарративы. Нарратив обеспечивает постоянное вибрирование идеологической концептной структуры, упомянутое «мерцание» концептов как реакцию на актуальную социально-политическую повестку дня. Подобно тому как смысл создается не отдельным словом, а предложением, так и идеологический смысл создается не простым набором концептов, а концептным нарративом» [2. Р. 812]. Наиболее близкое понятие к нарративному выражению идеологемы – «неявная идеологема», то, что Бахтин называл смутной (зыбкой, сумбурной) идеологией или «неясной и неготовой мыслью».

Гипотеза исследования строится на предположении, что рождению идеологемы предшествуют бессознательные имплицитные процессы превращения нарратива как воплощенного в ментальных схемах социального опыта в докогнитивные концептные нар-

ративы под воздействием внешней среды. Фокус исследования смещен на периферийное взаимодействие элементов когнитивно-идеологической матрицы с внешней (социальной) средой, где формируется дорефлективный уровень сознания, порождающий идеологемы. Поскольку изучению подлежат когнитивные процессы, в качестве предмета исследования выбраны наиболее значимые их составляющие, изучаемые когнитивистикой: память и передача памяти, а также когнитивные элементы идеологических установок (аттитудов).

Теоретико-методологическое обоснование нарративного подхода к исследованию коммуникации памяти и идеологии

Теоретическую основу исследования составили идеологические концепции М. Фридена, идеи основоположников нарративного подхода к истории Х. Уайта и Ф. Анкерсмита, теория когнитивной метафоры Дж. Лакоффа. Взаимосвязь идеологии и памяти предполагается рассмотреть, опираясь на два вида периферийности идеологием – маргинальную (смысловую) и периметровую (пространственно-временную) [3. Р. 78], описанных одним из самых авторитетных исследователей идеологии М. Фриденем. Процесс коммуникации памяти и идеологии, как представляется, относится к пространственно-временному виду периферийности, взаимодействующему с историческим временем и пространством, помещающему ядерные и периферийные концепты в конкретные культурно-исторические контексты.

Нарративный подход имеет свою специфику презентации в зависимости от сферы приложения, поскольку предметом нашего исследования является культурно-историческая память, то наиболее целесообразно обратиться к работам его самых видных представителей в области философии истории, а именно Х. Уайта и Ф. Анкерсмита. Х. Уайт непосредственно связывал нарратив с идеологией, или парадигмой объяснения, создающей специфическую форму аргументов и тип артикуляции [4. С. 67]. Тропологический подход к истории Х. Уайта очерчивает границы метода нарративного анализа риторическими приемами тропологии (фигурации, т.е. преобразования, и дискурсивного построения сюжета), тропы при этом рассматриваются как аналог «фигур мысли», аналогичных докогнитивным формам сознания. Основными формами фигурации в историческом дискурсе, по его мнению, являются метафора, метонимия, синекдоха, ирония.

Нарративы и нарративные концепты для исследования памяти необходимо поместить в конкретный культурно-исторический контекст (пространственно-временная идеологема); нужно оговориться, мы не ставили цель установить объем исторических знаний у студентов, нас интересовало только актуальное прошлое в их сознании, реально влияющее на формирование идеологических установок. Методологическим основанием такого сепарирования памяти послужили две категории анализа, предложенные Х. Уайтом: историческое прошлое и практическое

прошлое [5]. Историческое прошлое – объект изучения историков с целью расширения научного знания. «Практическое прошлое – это то, что относится к представлениям о “прошлом”, которые всегда присутствуют в повседневной жизни. Человек опирается на данное прошлое неосознанно, в целях получения информации, идей, моделей и стратегий для решения всех практических проблем, встречающихся в нынешней ситуации, – от личных дел до грандиозных политических программ. Практическое прошлое сохраняется в виде памяти, воображения, фрагментов информации, формул и практик, выполняемых механически, расплывчатых представлений об истории...» [6. С. 201].

В соответствии с целями нашего исследования метафора из всех риторических тропов является наиболее подходящей для анализа когнитивных процессов, так как непосредственно связана с процессом познания и передачи смыслов. Ф. Анкерсмит, представляя роль метафоры в историческом опыте, утверждает, что «метафора становится, по существу, эквивалентной индивидуальной (метафорической) точке зрения, с которой нас приглашают смотреть на часть исторической действительности» [7. С. 82]. Ф. Анкерсмит считал, что «метафора весьма эффективна в организации знаний способами, которые могут обслуживать наши социальные и политические цели (и это также объясняет, почему социальный, политический и, следовательно, исторический миры являются приоритетной сферой метафоры)» [7. С. 85].

Джордж Лакофф и Марк Джонсон, основоположники современного когнитивного подхода к исследованию метафоры, непосредственно связывали ее с понятийной системой человека и категориями мышления. Для изучения когнитивной составляющей аттитудов важно понимание Дж. Лакоффом и М. Джонсоном связи когниций с деятельностью: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична. Однако в обычном случае концептуальная система не осознается. Один из способов изучения этого – наблюдение за особенностями функционирования языка. Так как коммуникация основывается на той же концептуальной системе, которая используется и в мышлении, и в деятельности язык оказывается важным источником данных об этой системе» [8. С. 25].

Важным для исследования скрытых когнитивных процессов является обоснование Дж. Лакоффом и М. Джонсоном роли концептуальных метафор в экспликации понятий, данных человеку в опыте. «Так как множество понятий, важных для человека, либо абстрактно, либо нечетко определено в опыте (эмоции, идеи, время и т.п.), возникает необходимость использовать для их понимания другие концепты, которые осознаются более четко (пространственная ориентация, объекты и т.п.). Это приводит к определению понятий концептуальной системы с помощью метафор» [8. С. 147]. Принципиальное значение для установления связи когнитивно-идеологической матрицы с внешней средой имеет гипотеза Джорджа Лакоффа о связи посредством метафоры ментального пространства и физического пространства опыта. Для

составления программы эмпирического исследования отчасти мы опирались на модель, предложенную Джорджем Лакоффом: «сбор представительного корпуса контекстов употребления метафор; выявление метафорических моделей; установление доконцептуальных структур и типа непосредственного (физического) опыта взаимодействия с миром; выявление стратегий действий человека при использовании данных метафор» [9. С. 27].

Методика проведения количественного нарративного анализа в программе эмпирического исследования

Цель эмпирической части исследования – эксплицитировать и описать процесс превращения нарративов в концептные нарративы, затем в идеологемы. Для проведения эмпирического исследования в виде опроса вначале необходимо операционализировать понятие нарратива. Если в теоретическом выражении нарратив – воспроизведение последовательной и завершенной картины истории или сюжета, то в массиве ответов нарратив воплощен в когнитивной метафоре, а нарративный концепт представляет собой совокупность нарративов единой смысловой направленности (облако метафор). Метафору в современной когнитивистике принято определять как «(основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [10. С. 2]. Следует уточнить, что в данном исследовании под метафорой иногда понимается «любой способ косвенного и образного выражения смысла» в соответствии с ее самой широкой трактовкой [11. С. 6].

Основной особенностью нарративного количественного анализа является использование в качестве единицы наблюдения не развернутого текста эссе, а предложения в несколько строк – ответа на открытые вопросы анкеты. Поскольку на ответ отводится не более 2–3 минут, возникает темпоральная особенность такого текста – очень короткие, емкие и образные высказывания в своем большинстве – это то, что называется тропом, или риторической фигурой. Следствием провокативного воздействия вопросов-триггеров стал ответ метафорой на метафору, а также эффект стереотипного мышления, проявляющийся в приведении известных метафор и поэтических сравнений. Особенно сильно является также преобладание реакции «согласен / не согласен» на предложенную метафору и метафоричных ответов как некоего подражания предлагаемой метафоре. Анализ проводился на основе метафор, но в ответах респондентов можно найти и примеры других тропов: синекдохи, иронии, метонимии.

В результате исследования предполагается установить закономерности трансформации нарративов и нарративных концептов в идеологемы «свобода», «справедливость», «патриотизм», «индивидуализм», «солидаризм», являющиеся элементами нескольких идеологий, а также описать механизм коммуникации памяти и идеологии как процесс превращения нарратива в нарративный концепт и далее в идеологему.

Изначально предполагался другой прием нарративного анализа – предложение сравнить себя с со-

временным киногероем и развить его высказывание, но в ходе проведения фокус-групп при разработке анкеты выяснилось, что в студенческой среде нет единого понимания образа главного героя нашего времени, что впоследствии подтвердилось в ходе анкетирования, только 6% опрошенных предложили своего киногероя, что составило 152 разных ответа. Тогда решено было выстроить образы в исторической ретроспективе, поскольку темой нарративных вопросов стала тема культурно-исторической памяти, соответственно, были выбраны киногерои от 1930-х гг. до современности. 40,2% респондентов затруднились с ответом в отношении предложенных героев, но целью не являлась проверка знаний о прошлом для подтверждения расхожего мнения, о том, что молодое поколение растет «иванами, не помнящими родства», не интересующегося культурой своей страны. Имеет значение только то, что на самом деле существует в сознании и реально влияет на формирование мировоззренческой и идеологической позиции молодых людей, а стало быть, определяет их поведение в социуме. Вывод, который можно было уже сделать на этом этапе исследования: передача культурно-исторической памяти в данном случае не связана с образами или паттернами. Можно предположить, что значение имеет только то, что сделало этих персонажей героями своего исторического времени: их высказывания, отразившие настроения эпохи и, возможно, существующие вне времени.

Стесненные временные рамки заставили молодых людей выражать свою мысль коротко, и не все респонденты справлялись, отвечая: «Слишком сложно вложить в одну фразу», и тогда соглашались с приведенным высказыванием. Были и ответы (изложены в авторской редакции) вполне в ключе когнитивистики: «Какие-то напряжные у вас вопросы, не думаю я об этом». «Я сюда деградировать пришел, а не ребусы ваши разгадывать». «Извините, у меня не осталось мозгов думать». «Если вы тут в Достоевского решили поиграть, тогда я пошел». Много было ответов «Не знаю», «Затрудняюсь ответить», чтобы отсечь осознанный выбор беспамятства как способа ухода от реальности, в анкету был включен вопрос с высказыванием «Хочу туда, где нет памяти», таких оказалось 4,4% опрошенных.

К категории нарративных относился вопрос «Выберите из приведенных ниже высказываний одно из наиболее близких Вам и продолжите это высказывание применительно к современным событиям». Приведем иерархию предпочтений выбора метафор, а в скобках укажем процент выбравших данного героя и проиллюстрируем продолжение высказываний героя наиболее яркими метафорами.

1. «Сила в правде: у кого правда, тот и сильнее!» (Данила Багров, х/ф «Брат 2». 7,8%) – 25%. – *Только правда поможет нам обрести истинную свободу.*

2. «Человеку всегда кажется, что в его силах намного меньше, чем он может на самом деле!» (Хоккеист Харламов, х/ф «Легенда № 17». 7,4%) – 23,3%. – *Человек может все. Вставай и меняй свою жизнь.*

3. «За державу обидно!» (таможенник Верещагин, х/ф «Белое солнце пустыни». 1,5%) – 6,8%. – *Такая власть при таком народе погубит Россию.*

4. «Я не буду устанавливать правила. Я мечтатель. Я придумываю миры» (Джеймс Холлидей, х/ф «Первому игроку приготовиться» (Ready Player One)). 3,9%) – 6,2%. – *Мы в ответе за то, что мы строим.*

5. «На войне не надо думать. Думать надо до войны. А на войне нужно выживать. А чтобы выживать – надо убивать» (Иван Ермаков, х/ф «Война». 1,0%) – 4,2%. – *Война – зло. Главное – чтобы не было войны.*

6. «В трудные времена мудрые строят мосты, а глупцы – стены» (Т'Чалла, х/ф «Черная пантера» (Black Panther)). 6,4%) – 18,2 %. – *И не дают мудрым выбраться за эти стены.*

7. «Хочу туда, где тепло и нет памяти» (Энди Дюфрейн, х/ф «Побег из Шоушенка». 5,0%) – 4,4%. – *Плохо в России-матушке. В России холодно, хочу, чтобы «тепло» было в России.*

8. «Вор должен сидеть в тюрьме» (Глеб Жеглов, х/ф «Место встречи изменить нельзя». 2,4%) – 8,6%. – *Но вообще-то, после вашего теста мы все там будем.*

9. «Я верую! Что-то произойдет! Не может не произойти, потому что за что же, в самом деле, мне послана пожизненная мука?» (Маргарита, х/ф «Мастер и Маргарита». 12,4%) – 2,5%. – *Когда-нибудь весь этот треш закончится, и люди смогут лучше жить.*

10. «Я скорее обману, украду или убью, но я не буду голодать!» (Скарлетт О'хара, х/ф «Унесенные ветром». 6%) – 0,9%. – *Принципы священны.*

Концепт когнитивной коммуникации памяти и идеологии: эмпирическое обоснование

Как уже было сказано, процесс коммуникации памяти и идеологии идет по каналу: социальный опыт – нарратив – нарративный концепт – идеологема – идеологические установки (аттитюды). Результаты количественной обработки эмпирического материала можно представить в виде облака метафорических слов и словосочетаний.

Идеологема «справедливость» набрала наибольшее количество ответов: 817 слов и предложений (1 вопрос – 265, 3 – 212, 5 – 76, 8 – 264). Метафора вопроса-триггера «Сила в правде: у кого правда, тот и сильнее!» вызвала следующий отклик: «Правда – самое главное оружие. Правды у нас нет, поэтому мы и слабы. Как бы народ не травил, сила за нами. В современных реалиях правду от нас зарывают все глубже. Только за правдой может пойти народ». Были и альтернативные ответы, построенные на противопоставлении: сила в деньгах, в связях, во власти. В третьем вопросе-триггере «За державу обидно» реакция была связана с перечислением того, за что еще обидно: «За власть обидно! За нищету обидно. В России людей не любят. Обидно, что все так плохо. Своих не ценят. Для остальных все, а для своего народа – ничего!!! Мы должны жить, а не выживать. Но правительство все больше и больше вытирает ноги о нас, обычных работяг-граждан. Обидно, что такая держава растрачивает свои ресурсы на обеспечение других государств». В пятом вопросе ответы выстраивались вокруг темы несправедливого характера власти: «Нужно срочно менять власть. Законы в России не работают.

Все проблемы от негативного отношения к людям в стране. Богатые живут хорошо, и их ничего не волнует». Восьмой вопрос высветил самую большую проблему, которая воспринимается как несправедливость, – коррупцию. «Коррупция должна быть наказуема. “Для коррупционеров нужно выделять места на кладбище, а не в тюрьме” (И.В. Сталин). Проблему коррупции никто не скрывает, но и никто не хочет решать».

Нарративный концепт справедливости может быть выражен следующим образом: «В мире должна быть справедливость. Богатый становится еще богаче, бедный – беднее. Нашей стране не хватает справедливости. Мы живем, как при императоре, достойно живущих и богатых людей ничемный процент от основной массы». Ответы показали готовность к действию, очень важную составляющую идеологических установок (аттитюдов): «Перемен требуют наши сердца! Хотя это и тяжело, но за правду можно и умереть. Нужно бороться за свою правду. Сильнее не тот, у кого денег больше или лучше машина, а тот, кто стоит за правду, не жалея себя. Благодаря правде человек может повести за собой народ». Наиболее распространенные ответы: «Все должны отвечать за свои поступки. Не должно быть такого: “прав не тот, кто прав, а у кого больше прав”. Известные метафоры: «Везде воруют, а нигде не отбавляется. Умом Россию не понять. Богатая ресурсами страна, а люди бедные. Каждому по заслугам. Ветер перемен. Законы для всех одинаковые! Против правды не попрешь». Уникальная метафора: «Правда должна быть доступной».

Идеологема «Солидаризм» пронизывает практически весь контент ответов: 786 слов и словосочетаний (1 вопрос – 199, 2 – 85, 3 – 21, 5 – 118, 7 – 363). В отличие от темы «справедливость», практически показавшей тождество нарративного концепта и идеологемы по ключевому понятию, в этом случае мы фиксируем определенный набор нарративов. Нарративный концепт «солидарность как единение граждан страны»: «Всей страной мы можем изменить все. Человек является частью своего общества и своего государства. В его силах в единстве со своим народом прогрессировать и вести страну в светлое будущее». В ряде ответов «мы» противопоставляется «я». «мы способны на многое! Мы – одна семья. Мощная толпа состоит из отдельных “слабых” индивидов». Подчеркиваются добрые намерения солидаризирующихся: «Сильный тот, кто нашел свое место в мире, не нанося вред другим людям! Мы можем сделать намного больше, если доверимся друг другу. Стоит относиться к другим с пониманием, добротой, любовью и уважением».

Нарративный концепт «солидарность с гражданами мира»: «Люди способны менять мир. Поэтому нужно делать все, что в наших силах, для дальнейшего благополучного развития общества как у нас в стране, так и во всем мире. Если объединить силы стран и встать на путь взаимопомощи и поддержки, можно не только повысить уровень стабильности в мире, но и снизить угрозу таким опасностям мирового масштаба, как ядерная война и экологическая катастрофа. В наших силах сохранить и обезопасить

окружающий мир, чтобы будущим поколениям было лучше». Как глобальные проблемы можно выделить темы войны и санкций. «Ради мира во всем мире. Нет войне. Война – это кровопролитие. Война будет. Война приближается. Возможность третьей мировой войны реальна. Либо человечество покончит с войной, либо война покончит с человечеством». Санкции связаны с ощущением, что Россия тоже отгораживается от остального мира: «Постройка “железного занавеса” не приведет Россию к успеху. Россия ограждается ото всех, в том числе и от своего народа, не идя на разговор. Санкции-стены, союзы-мосты».

Нарративный концепт «солидарность власти с гражданами»: «Надо не ограничивать и запрещать все, а налаживать отношения и советоваться с новым поколением. Надо строить дружбу, а не стены в виде изоляции Интернета. Власть должна сотрудничать с гражданами своей страны». Призыв к действиям здесь отражен в позитивном ключе: «Надо действовать, а не сидеть и ждать перемен к лучшему! Нужно меняться, как и меняется мир».

Идеологема «свобода» встречается во многих вопросах анкеты: 426 слов и предложений (1 – 57, 2 – 180, 3 – 23, 4 – 15, 6 – 26, 7 – 83, 9 – 28, 10 – 14). В большинстве своем свобода представлена нарративным концептом «свобода информации»: «Правда под запретом. Правда – залог успешного гражданского общества, ее в наше время порой не хватает. Правда равна информации». Достаточно широко представлен и нарративный концепт «свобода слова и мысли»: «Сила зависит от мышления. Сила в образе мышления. Люди должны высказывать свое мнение. Человек способен на большее, если чуть-чуть подумает. Для познания нужно понимать, кто ты есть на самом деле. Люди не всегда выражают свою мысль из-за страха. Люди с лучшим воображением смогут привнести много нового в этот мир. Я живу так, как я хочу. Правила ограничивают человеческое мышление». Можно также выделить нарративные концепты, связывающие два понятия, например, «свобода / справедливость»: «Скоро пробьем дно потому что люди, находящиеся “сверху”, и обычные россияне – это разные люди, обладающими разными правами и свободами» и «свобода / право»: «Каждый человек имеет право жить. Мы способны сами выбирать себе условия жизни, средства реализации уже есть внутри нас с рождения». Стоит отметить, наиболее радикально действием выражена именно борьба за свои права: «И на обломках самовластия напишут наши имена. Что-то в стране обязательно должно поменяться. Это просто затишье перед бурей. И это будет гражданское движение. Мы можем бороться за свои права, но боимся. Меньше думай, больше действуй. Каждый рассуждает, но не делает».

Идеологема «индивидуализм» концентрируется в ответах на второй вопрос-триггер, что означает не спросили бы – не узнали, нет желания выразить при первой возможности свой манифест индивидуализма: 369 слов и словосочетаний (2 – 316, 4 – 53). В основном это нарративный концепт «роль одного человека»: «Человек способен на многое, нужно только захотеть». Большинство ответов вылилось в призывы к

действию: «Человек самостоятельно управляет своей жизнью. Нужно делать все, что в наших руках, чтобы что-то изменить, а не ждать пока это сделает кто-то другой. Необходимо увеличивать границы своих возможностей. Люди должны сами ковать свое счастье. Работайте над собой, все в наших руках! Возможности каждого человека безграничны. Я думаю, что большинству людей просто не хватает уверенности в себе и в своих силах, но душа русского человека имеет такие широкие просторы, что мы точно должны быть уверены в своих силах и возможностях. Изменения возможны всегда, но надо понимать, что ты меняешь, а для того начало должно быть положено с себя. Я верю, что все изменится, но порой мне кажется, что одной веры недостаточно... Сколько можно это терпеть. Нужно бороться. Каждый может наладить свою жизнь в любой стране, если прикладывать достаточно усилий. Люди бездействуют, потому что думают, что у них ничего не выйдет». Известные метафоры «Дорога возникает под шагами идущего».

Идеологема «патриотизм»: 304 слов и предложений (1 – 21, 2 – 137, 3 – 27, 7 – 35, 9 – 84). Есть видимое разделение на патриотический нарратив (144) и критический нарратив в отношении к родине (160). Критика выражена следующими метафорами: «В России правды нет. Империя лжи не может долго существовать. Терпеть наш народ любит, ведь бояться палки государства. Россия ничего не может и не хочет». Патриотический нарративный концепт сводится к следующим смыслам: «Россия – великая держава. В стране все будет хорошо. За родину, за страну! Нам нужно приложить все силы, чтобы за державу испытывали радость. Необходимо жить в правде и жить во благо своей стране! Сила страны зависит от каждого из нас. И каждый может сделать нашу страну лучше. Для страны нет и не может быть ничего важнее людей, населяющих ее. В России должна процветать правда и свобода».

Полученные данные количественного нарративного анализа позволяют перепроверить и подтвердить данные закрытого вопроса «Как бы Вы охарактеризовали свои идейно-политические убеждения?» (рис. 1).

Выбранный метод подтверждает устойчивый леволиберальный тренд в развитии идеологий в групповом сознании студентов (кейс Ростовской области) и сужение базы национально-патриотической идеологии по сравнению с 2015 г., проявившийся через идеологическую самопрезентацию студентов (20,3% – либерализм, 10,2% – социал-демократические установки, 9,3% – коммунистические). Нарративные концепты являются общей средой для возникновения идеологием, используемых различными идеологиями, нам необходимо было выявить общий тренд, т.е. связать нарратив с тремя основными идеологиями, отраженными в самопрезентации. Леволиберальная идеология в целом опирается на идеологемы «справедливость» (817) и «солидаризм» (796), «свобода» (426) и «индивидуализм» (369), взятые в количественном выражении нарративов. Ярко выраженной тенденцией также можно назвать отказ от установки на радикальные формы протеста и готовность действовать только в рамках закона.

Как бы Вы охарактеризовали свои идейно-политические убеждения?

(в процентах от общего количества)

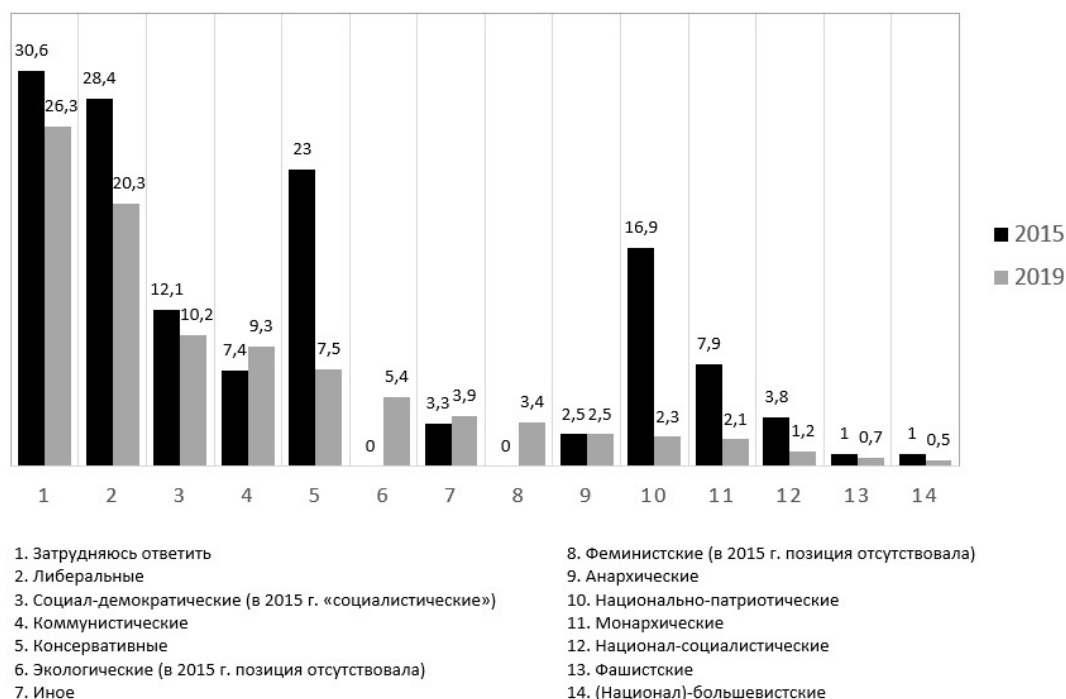

Рис. 1. Динамика идеологических репрезентаций студенческой молодежи юга России (кейс Ростовской области)

Маргинальные, т.е. незначительно представленные в репрезентации, идеологии также нашли отражение в полученных данных, но объем статьи не позволяет включить их полностью. Подтверждено минимальное представительство праворадикального нарратива, относительно небольшое – экологического и феминистского нарративов. Из основных принципов консервативной идеологии наиболее представлены ценности семьи, ее ставят даже выше значимости материального благосостояния, но основной лозунг «стабильности» проиграл ожиданию реформ, отсутствие которых отождествлялось с кризисом не только политической системы, но и с угрозой для личного жизненного пространства. Чтобы установить корреляцию между конкретными идеологиями и нарративными концептами, необходимо произвести статистический анализ анкет и получить сопряжения по данным вопросам, но в настоящее время эмпирические материалы еще находятся в обработке, и это станет предметом другого исследования.

Анализ нарративных концептов трех ведущих идеологий позволяет выяснить причины сложившегося расклада идеологических предпочтений, объясняемые осмыслением меняющейся социально-экономической ситуации и дать развернутую характеристику основных идеологем, вызванных к жизни из широкого контекста нарративных концептов.

Заключение

Эмпирический опыт использования метода количественного нарративного анализа в политической когнитивистике позволяет прийти к заключению о

возможности его применения в области идеологической коммуникации. Безусловным преимуществом можно назвать открывающиеся возможности работы с обширными данными по проблемам скрытых форм проявлений группового сознания и идеологических установок (аттитюдов). Верификация результатов проведена в форме сопоставления выводов, полученных посредством применения данной методики с выводами, полученными приемами традиционного количественного анализа в ходе эмпирического исследования. Ограничением применения метода является субъективизм оценок на этапе интерпретации полученных результатов, впрочем, это уязвимое место всех качественных методов анализа, каковым наполовину данный метод все-таки остается, а также трудоемкость процесса квантификации. Рекомендациями по использованию метода в других предметных областях будет необходимость надежного теоретико-методологического обоснования и обязательное использование проверочных вопросов при анкетировании.

Проведенное эмпирическое исследование позволило обосновать концепт когнитивной коммуникации памяти и идеологии. Результатом нарративного анализа процесса идеологической коммуникации стало выявление ядерных и периферийных идеологем в конкретном культурно-историческом контексте (М. Фриден). Ядерными идеологемами могут считаться «справедливость», «солидарность» и во вторую очередь «свобода» и «индивидуализм». Их совокупность подтверждает превалирующую идеологическую самопрезентацию как социал-демократическую, коммунистическую и либеральную, либерализм при этом носит ярко выраженный социальный характер. Инди-

видуализм, практически не представленный как идеал, нашел воплощение в установке на индивидуальную деятельность как альтернативу деятельности коллективной. Периферийной идеологией можно назвать «патриотизм», что подтверждается резким падением наличия этой идеологической установки у студентов по результатам пятилетнего наблюдения. Опираясь на тезис о том, что нарратив есть отражение социального опыта, можно утверждать, что такая мировоззренческая картина сложилась в групповом сознании как ответная реакция на изменения в новейшем историческом контексте, проявляющаяся в ожидании надвигающегося социально-экономического

кризиса, экологической катастрофы и роста вовлеченности России в военные конфликты.

Перспективы дальнейшего исследования темы квантификации данных нарративных исследований непосредственно связаны с поиском решения актуальной общемировой научной проблемы отсутствия баз качественных данных в отличие от многочисленных банков количественных данных, за исключением, пожалуй, eHRAF World Cultures. Основное направление, консолидирующее возможности исследователей разных стран, – преодоление субъективизма количественной интерпретации результатов, способы кодировки данных и поиска информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Игры на идеологической периферии. Праворадикальные установки студенческой молодежи Ростовской области / [С.П. Поцелуев, М.С. Константинов, П.Н. Лукичев и др.]; отв. ред. С.П. Поцелуев. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 396 с.
2. Potseluev S.P., Konstantinov M.S., Podshibyakina T.A. Flickering Concepts of cognitive ideological matrices (based on a series of sociological studies in 2015–2020) // *Revista Genere e Direto*. 2020. Vol. 9, № 2. P. 807–826.
3. Freedman M. *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford : Oxford University Press, 2006. 592 p.
4. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
5. White H. *The Practical Past*. Evanston : Northwestern University Press, 2014. 118 p.
6. Потамская В.П. Философия истории Х. Уайта: прошлое и нарратив // *Вестник ТвГУ. Серия Философия*. 2019. № 3 (49). С. 195–205.
7. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломеец, В. Катаева. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
9. Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. Когнитивная теория метафоры в современной Российской политологии: методологические проблемы // *Политическая наука*. 2017. № 2. С. 16–29.
10. Чудинов А.П., Будаев Э.В. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре // *Новый филологический вестник*. 2007. № 1 (4). С. 8–17.
11. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // *Теория метафоры* : сб. / пер. с англ., фр., нем., исп., польск.; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. 512 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 20 сентября 2020 г.

Cognitive Communication of Memory and Ideology in Student Attitudes: Is Quantitative Narrative Analysis Possible?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 119–126.

DOI: 10.17223/15617793/459/15

Tat'yana A. Podshibyakina, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: tan5@bk.ru

Keywords: memory; ideologeme; narrative; narrative analysis; communication of memory and ideology; cognitive science.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-011-00906 A.

The study is devoted to the urgent scientific problem of finding the possibilities of using Big Data in processing results of qualitative analysis. The article attempts to combine the advantages of qualitative narrative analysis with the quantitative form of a sociological survey. This study presents the results of an experiment on the implementation of narrative analysis in the form of a quantitative method for studying ideology. The goal is to assess the possibilities of using the quantitative form of narrative analysis based on the results of its testing on the basis of an empirical study of cognitive and ideological attitudes of students of the south of Russia in 2019 with the number of respondents in 2,500 people. The method of quantitative narrative analysis is given a theoretical and methodological substantiation. The theoretical basis was the ideological concepts of Michael Freedman; the ideas of Hayden White and Frank Ankersmit, the founders of the narrative approach to history; George Lakoff's theory of cognitive metaphor. To conduct an empirical study, the concept of narrative as a cognitive metaphor was operationalized. The research methodology, which consists in using questions requiring narrative answers in the questionnaire and the method for their quantitative processing and interpretation of the results, is described. Methods for verifying the findings are proposed. The empirical experience of using the method of quantitative narrative analysis in political cognitive science has led to the conclusion that it can be applied to the study of ideological communication. The undoubted advantage is the new opportunities for working with Big Data on the problems of hidden forms of group consciousness and ideological attitudes. A limitation of the application of the method is the subjectivity of the estimates at the stage of interpreting the results and the complexity of the quantitative processing of the answers. An empirical study made it possible to substantiate the concept of cognitive communication of memory and ideology. The result of a narrative analysis of the process of ideological communication was the identification of nuclear and peripheral ideologies in a specific cultural and historical context. Based on the thesis that narrative is a reflection of social experience, it was concluded that respondents had such ideas as a response to changes in the modern political process, manifested in the anticipation of a socioeconomic crisis, environmental catastrophe and fears of an increase in Russia's involvement in military conflicts. The assumption is made that the prospects for further research on the topic of quantification of narrative research data are directly related to the search for a solution to the urgent global scientific problem of the lack of qualitative databases unlike the availability of numerous quantitative data banks.

REFERENCES

1. Potseluev, S.P. (ed.) (2016) *Igry na ideologicheskoy periferii. Pravoradikal'nye ustanovki studencheskoy molodezhi Rostovskoy oblasti* [Games on the ideological periphery. Right-wing radical attitudes of student youth in Rostov Oblast]. Rostov-on-Don: SSC RAS.
2. Potseluev, S.P., Konstantinov, M.S. & Podshibyakina, T.A. (2020) Flickering Concepts of cognitive ideological matrices (based on a series of sociological studies in 2015–2020). *Revista Genere e Direto*. 9 (2). pp. 807–826.
3. Freedon, M. (2006) *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford: Oxford University Press.
4. White, H. (2002) *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: The Historical Imagination in the 19th-Century Europe]. Yekaterinburg: Ural State University.
5. White, H. (2014) *The Practical Past*. Evanston: Northwestern University Press.
6. Potamskaya, V.P. (2019) H. White's Philosophy of History: The Past and Narrative. *Vestnik TvGU. Seriya Filosofiya – Tver State University Vestnik. Series: Philosophy*. 3 (49). pp. 195–205. (In Russian).
7. Ankersmit, F.R. (2003) *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafor* [History and tropology: The rise and fall of metaphor]. Translated from English by M. Kukartsev, E. Kolomoets, V. Kataev. Moscow: Progress-Traditsiya.
8. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafor, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
9. Artamonova, Yu.D. & Demchuk, A.L. (2017) Cognitive Metaphor Theory in Contemporary Russian Political Science: Methodological Problems. *Politicheskaya nauka*. 2. pp. 16–29. (In Russian).
10. Chudinov, A.P. & Budaev, E.V. (2007) Stanovlenie i evolyutsiya kognitivnogo podkhoda k metafore [Formation and evolution of the cognitive approach to metaphor]. *Novyy filologicheskyy vestnik – New Philological Bulletin*. 1 (4). pp. 8–17.
11. Arutyunova, N.D. (1990) Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafor* [Metaphor theory]. Translated from English, French, German, Spanish, Polish. Moscow: Progress.

Received: 20 September 2020